

**«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».**

А.С. Пушкин «Пророк»

**«Платонов — это пик, ступить с
которого некуда».**

Иосиф Бродский

**Андрей Платонович
ПЛАТОНОВ
1899 - 1951**

Андрей Платонович Климентов (Платонов — это псевдоним) родился 28 (16) августа 1899 года, однако традиционно его день рождения принято отмечать 1 сентября.

«Я родился в Ямской слободе, при самом Воронеже. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге.

Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы... Кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще паровозы, машины, ноющий гудок и потную работу. Я уже тогда понял, что все делается, а не само родится, и долго думал, что и детей где-то делают под большим гудком, а не мать из живота вынимает», — писал он в одной из автобиографий.

Он был старшим из одиннадцати детей слесаря Воронежских мастерских Платона Фирсовича Климентова и домохозяйки Марии Васильевны Лобочихиной.

Платон Фирсович был сыном землекопа, погибшего на шахте при аварии. Он 18 ноября 1870 года в Задонске, где окончил приходское училище, и с двенадцати лет стал работать, освоив множество профессий — от малярного ремесла до машиниста паровоза.

Мать Платонова Мария Васильевна Климентова, урожденная Лобочихина, родилась в семье часовщика и золотых дел мастера. Замужество ее было не слишком ранним и не было счастливым. Своего первенца Мария Васильевна родила в 24 года, а дальше дети посыпались как горох. Она рожала детей практически каждый год, Андрей, как старший, принимал участие в воспитании и, позднее, прокормлении всех своих братьев и сестёр. Постоянное вынашивание и выхаживание детей, болезни, нужда отнимали все силы. *«Мать не вытерпела жить долго».*

Много лет спустя Платонов писал в «Записных книжках»: *«...ни разу не была в театре, не ездила на поезде».*

Не было у Марии Васильевны и того, что составляет одну из главных радостей женской жизни — своего дома, очага. Климентовы в течение многих лет жили на съемных квартирах, семья была большой, а достаток не слишком велик.

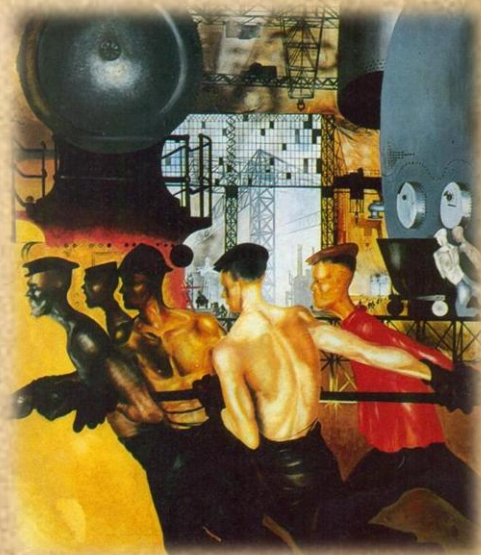

После окончания бесплатной церковноприходской школы, на чем образование многих пролетарских детей заканчивалось, и они шли в люди, Андрей поступил в мужское четырехклассное училище, где обучение стоило 10 рублей в год. Деньги на учебу в семье нашлись.

Здание четырехклассного городского училища, Воронеж.

В июне 1914 года Андрей Климентов училище окончил и осенью устроился на работу конторским служащим в губернское отделение страхового общества «Россия». Работал он там недолго — два месяца и в январе 1915-го поступил в «Общество Юго-Восточных дорог».

В июле 1916-го поступил литейщиком на трубочный завод. Работа на литейном заводе, изготавливавшем оружие, была очень тяжелая: *«Мастерская давила и ела наши души. Люди там делались злыми. Цельный день мы таскали носилки со стружками и мусором...»*, но она давала освобождение от воинской повинности. А стать солдатом императорской армии Платонов не стремился.

От империалистической войны Андрея Климентова освободила революция. После установления советской власти молодой рабочий вторично пополнил число конторских служащих на ЮВЖД и одновременно в сентябре 1918 года поступил сначала на физико-математическое, а затем перевелся на историко-филологическое отделение Воронежского государственного университета.

Перед юношей открывалась гуманитарная карьера, однако, проучившись всего один курс, он поступил на электротехническое отделение открывшегося в Воронеже рабочего железнодорожного политехникума.

Учеба часто прерывалась, шла Гражданская война, наступал Деникин, Воронеж превращался то в прифронтовой, то во фронтовой город.

«Не доучившись в технической школе, я спешно был посажен на паровоз помогать машинисту», — писал Платонов в автобиографии.

«Я тогда стоял на распутье истории и личной жизни: я родился ровесником своему столетию — во мне молодость, острота личной судьбы, а в мире одновременно революция».

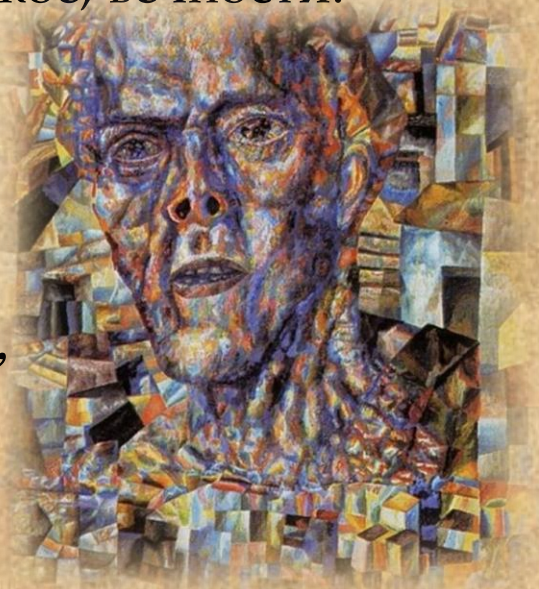
Нет сомнения, что Платонов сразу же, без колебаний и промедлений, с огромной доверчивостью и радостью принял красное дело и очень рано стал ему служить.

В публицистике он горел огнем, призывал к мщению, к убийству: *«Наступление Врангеля есть последняя судорога мертвеца — русской буржуазии. Последний вздох недодушенной, сипящей гадины... Своих врагов революция не может только временно обессиливать, она должна их расстреливать и забывать о них...».*

А в стихах элегически размышлял о природе, покое, вечности:

*На реке вечерней, замирающей
Потеплела тихая вода.
В этот час последний, умирающий
Не умрем мы никогда...*

*Свет засветится, неведомый и тайный,
Над лесами, ждущий и немой,
Бьет родник, живой и безначальный.
Странник шел и путь искал домой.*

Богоборчество Платонова доходившее порой до богохульства, противоречило тихой лирике и задушевной прозе.

«Мы взорвем эту яму для трупов — вселенную, осколками содранных цепей убьем слепого,дохлого хозяина ее — бога и обрубками искровавленных рук своих построим то, что строим, что начинаем только строить теперь».

В статье «Христос и мы» Платонов утверждал, что «мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога».

«Долой, долой монахов, раввинов и попов, поднимемся на небо, прогоним всех богов».

(Комсомольская частушка 20-х годов)

Бывший Бог, мертвый Бог — это Ницше, которого Платонов читал и о котором размышлял (его «Записные книжки» 1921 года начинаются цитатой из Ницше: «Бог умер»). Однако при всем бунтарстве, нигилизме и ницшеанстве Платонов сохранял сокровенное отношение ко Христу. Спасителя он называл великим пророком гнева и надежды и писал о любви, за которую Христос пошел на крест, как о единственной силе, творящей жизнь.

Проект Дворца Советов на месте взорванного Храма Христа Спасителя.

Он был изначально глубоко религиозен и утрату той веры, в которой он был воспитан, ощущение богооставленности переживал очень тяжело: *«Отчего так тяжело? Отчего от пустяка возможна катастрофа всей моей жизни? Господи, Боже мой! Если бы Ты был, был, был, каким я знал Тебя в детстве? Этого нет, этого нет. Это я знаю наверное. Наверное».*

«Не покорность, не мечтательная радость и молитвы упования изменяют мир, приблизят царство Христово, а пламенный гнев, восстание, горящая тоска о невозможности любви. <...> Пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщения. И этот гнев выше всякой любви, ибо только он родит царство Христа на земле. Наши пулеметы на фронтах выше евангельских слов. Красный солдат выше святого <...> Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга. Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — и он жив в нас» (статья «Христос и мы»).

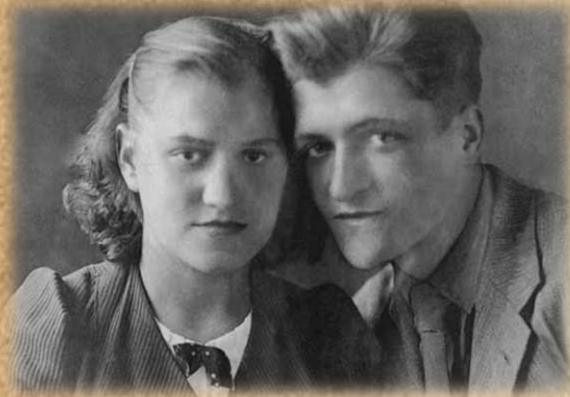
Религиозность прорывалась в стихах, где именно через христианские мотивы осмыслялась революция.

*Ясен и кроток в молчании
Взор одинокой звезды...
Братья мои на
страдания
В гору идут на кресты.*

Ум с сердцем были у молодого Платонова не в ладу, и в голове его бродила смесь самых разных философских систем, взглядов, представлений, убеждений, планов и проектов. Это был чан кипящий, и никто не знал, что выварится в этом чану из непокорного, бунтарского начала, любви, страстности, отрицания исторического прошлого, жажды правды и справедливости и тяги к пророчеству.

«Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его».

Платонов был женат единожды и на всю жизнь.

Мария Александровна Кашинцева была дочерью Александра Семеновича и Марии Емельяновны Кашинцевых, приехавших в Воронеж 1918 году.

Она родилась 14 апреля 1903 года в Петербурге, где училась в гимназии, и таким образом по социальному происхождению очевидная «дочь буржуазии» была уроженцу Ямской слободы не чета. Маша была очень красива, это признавали все, кто ее знал, — молода, обаятельна, артистична, хорошо воспитана.

Быть женой Андрея Платонова оказалось трудным счастьем. В пору самого начала их почти тридцатилетней совместной жизни молодой муж написал:

*Баю-баю, Машенька,
Тихое сердечко,
Проживешь ты страшненько
И сгоришь, как свечка...*

Слова, которые скорее подошли бы к нему самому, или же отвел он от жены страшненькое пророчество ценой собственной жизни...

Трудное семейное счастье, конфликты, обиды, ссоры, ревность осложнили и так непростую платоновскую жизнь и судьбу.

Две самые дорогие женщины, две любимые Марии были в судьбе Андрея Платонова — мать и жена, но ни взаимопонимания, ни любви меж ними не было, и это больно ранило их сына и мужа, неизбежно заставляя делать невыносимый, невозможный для себя выбор.

Летом 1921 года Платонов ненадолго стал курсантом губернской советско-партийной школы. Трудно сказать, какие цели он преследовал, поступая на учебу в заведение, также именуемое губернским Рабоче-крестьянским коммунистическим университетом.

В феврале 1922 года Андрей Платонов поступил на работу в Губернское земельное управление в качестве председателя комиссии по гидрофикации. У него были грандиозные планы, но сбыться им помешало «обычное безденежье, организационная слякоть и то бюрократическое кольцо, которое не минует никого».

В течение 1922–1926 годов Платонов много строил, ездил по губернии, проектировал, устраивал опытные огороды, прочищал реки, строил шахтные колодцы, проводил изыскательские работы и эксперименты, чистил и зарыблял пруды, подбирал кадры, закупал оборудование.

В июне 1922 года вышла книга платоновских стихов «Голубая глубина», а в сентябре родился сын Платон.

В 1926 году Платонов был отозван на работу в Москву в Наркомзем и был направлен на инженерно-административную работу в Тамбов. В том же году были написаны «Епифанские шлюзы», «Эфирный тракт», «Город Градов». Платонов переехал в Москву, став профессиональным литератором.

«Так вот, я и говорю, что такое губком? А я вам скажу: секретарь – это архиерей, а губком – епархия! Верно ведь? И епархия мудрая и серьезная, потому что религия пошла новая и посерьезней православной. Теперь на собрание – ко всеобщей – попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш билетик, мы отметочку там сделаем! Отметочки четыре будут, тебя в язычники зачислят. А язычник у нас хлеба не найдет! Так-то!»

«Город Градов»

Платонова раздирают противоречия. С фанатичностью первых христиан он верит в коммунистическую утопию, в «мы наш, мы новый...» и «кто был ничем, тот станет всем», в возможность изменить человеческую природу. Но реальная жизнь все опровергает.

Красный террор, продразверстка... Он едет в Тамбов через несколько лет после подавления крестьянского восстания, во время которого было убито больше 100 тысяч человек, большинство из которых – женщины, дети, старики.

Коммунизм, как его придумал Маркс, а Ленин воплотил на практике, имел особенно людоедскую окраску. Маркс выдумал систему, при которой одна часть людей истребит другую и на этом построит Царство Божие, как он называл коммунизм. Вот такая абсолютно бредовая античеловеческая система, но она простая. И она подкупала своей простотой.

«Вознамерившиеся построить рай на земле, объявившие конец истории, упразднившие Бога, превратившие церковь в ревком и выкорчевавшие кресты на могилах люди ничем иным как смертью руководствоваться не могут и ни к чему иному, как к смерти не придут».

«Чевенгур» — не просто самое крупное произведение Андрея Платонова в 1920-е годы, да и во всем его творчестве. «Чевенгур» — одна из вершин русской прозы XX века. Книга, стоящая в одном ряду с «Петербургом», «Тихим Доном», «Белой гвардией», «Жизнью Арсеньева», «Доктором Живаго»...

При жизни автора была напечатана лишь первая, идеологически наиболее «безобидная» часть романа, получившая название «Происхождение мастера», да несколько небольших отрывков. Слишком горькой получилась история революции у Платонова. И слишком честной.

Платонов — пророк. И это его пророчество безмерно печально, ибо оно выносит приговор и становится итогом всей русской революции и того обезбоженного мира, который она породила.

«Оттого вы и кончитесь, что сначала стреляете, а потом спрашиваете, — злобно ответил кузнец. — Мудреное дело: землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей!

Кого вы обманываете-то? Ты говоришь — хлеб для революции! Дурень ты, народ ведь умирает — кому ж твоя революция останется?»

Завершение работы над «Чевенгуром» совпало по времени с болезнью и смертью матери. Точная дата ее кончины неизвестна. Здесь расходятся воспоминания сыновей, но, по всей вероятности, смерть эта случилась в 1929 году.

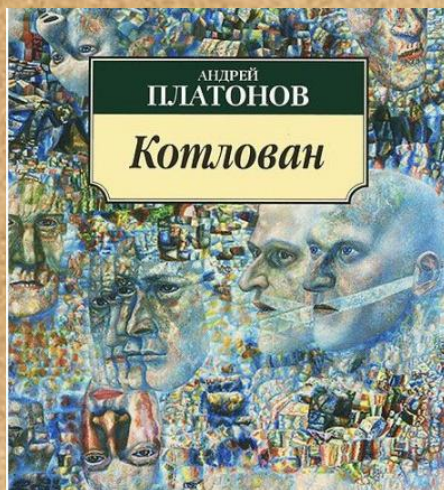
И так в платоновской жизни совпало: не стало матери, и словно некая охранявшая его сила

отошла, оставив старшего сына один на один с врагами, прежде его не замечавшими. Время спасительной тишины исчерпалось, период игнорирования писателя Платонова закончился, и он оказался в зоне поражения. С этого момента и — до самой смерти.

Год «великого перелома» стал таковым и для русской литературы. В 1929-м было остановлено восхождение Булгакова, был подвергнут травле Пильняк; этот год сделался роковым для Маяковского, подготовив его трагическую смерть в 1930-м.

В 1929 году после резко отрицательной оценки А.М. Горького был запрещён к печати роман «Чевенгур».

В 1931 году опубликованное произведение «Впрок» вызвало резкое осуждение А. А. Фадеева и И. В. Сталина. Платонова практически перестают печатать.

Можно ли представить, что в Советском Союзе при жизни Платонова был бы напечатан «Чевенгур»? Можно. Другое дело, как бы его встретила критика и какие бы полетели головы. Но представить, что был бы опубликован «Котлован» — это примерно то же самое, как если бы в 1924-м товарищи добровольно напечатали «Окаянные дни», а полвека спустя — «Архипелаг ГУЛАГ».

Только Платонов в отличие от Бунина и Солженицына не считал себя убежденным врагом советской власти. Напротив. Даже в самые отчаянные минуты жизни он не доходил до политического протеста и не переступал определенных границ. Как художник он в этом не нуждался, а как пролетарский писатель, каковым не переставал себя считать, не мог себе подобного позволить.

Богооставленность как всеобщее сиротство — мотив в творчестве Платонова не новый. Но если в прежних вещах он пытался заменить утраченного Творца иными образами и идеями — революционными, космогоническими, утопическими, то в «Котловане» ни на какие подмены он не идет. Эта пустота ничем не может быть заполнена, ничем не зарастает, но болит нестерпимой, незаглушаемой болью.

«„Котлован“ — произведение чрезвычайно мрачное, и читатель закрывает книгу в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время».

Иосиф Бродский

Владимир Шаров вспоминал: «Мне в руки Платонов впервые попал, кажется, в 67-м году... К тому времени через мои руки прошло уже немало всякого рода самиздата, советскую власть я давно на дух не перенимал, и все равно эта вещь показалась мне тем окончательным, не подлежащим обжалованию приговором, которые власть сама так любила. Я никогда не смог бы простить советской власти ни миллионов расстрелянных и погибших в лагерях, ни ее вездесущей фальши и бездарности...

И вдруг я прочитал вещь человека, для которого это было совершенно не так, которому в этой власти было тепло, все задевало и трогало, заставляло страдать и вызывало восторг от самой малой удачи. Который — это было ясно — очень долго ей верил, еще дольше пытался верить и всегда был готов работать для нее денно и нощно.

То есть он во всех отношениях был мне не пара, для него эта власть была своей, или он безумно мечтал, чтобы она для него своей стала, и вот он выносил ей приговор, причем такой, с каким я еще не сталкивался, потому что более страшной, более антисоветской рукописи мне читать не приходилось».

В 1931-1935 годах Андрей Платонов работал инженером в Наркомате тяжелой промышленности. В это время были написаны пьеса «Высокое напряжение» и повесть «Ювенильное море».

В 1934 году после поездки Туркмению появилась повесть «Джан». Рассказ «Река Потудань» впервые увидел свет в 1937 году в сборнике платоновской прозы, которому и дал название.

В мае 1938 года был арестован пятнадцатилетний сын писателя Платон, вернувшийся после хлопот друзей Платонова из заключения осенью 1940 года неизлечимо больным туберкулёзом. Писатель заразился от сына, ухаживая за ним, и с тех пор до конца жизни болел туберкулёзом. В январе 1943 года сын Андрея Платонова умер.

Последняя фотография с сыном перед отправкой Платонова на фронт. Москва, 1942 г., ноябрь

Во время Великой Отечественной войны Платонов служил военным корреспондентом газеты «Красная звезда», его военные рассказы появлялись в печати.

В феврале 1946 года Андрей Платонов демобилизовался по болезни.

В конце 1946 года был напечатан рассказ Платонова «Возвращение» (авторское название — «Семья Иванова»), и опять началась травля. Он был обвинён в «гнуснейшей клевете на советских людей, на советскую семью, на воинов-победителей, возвращавшихся домой».

В конце 1940-х годов, лишённый возможности зарабатывать на жизнь писательством, Платонов занимался литературной обработкой русских и башкирских сказок для детских журналов.

Он умер 5 января 1951 года в Москве от туберкулёза, которым заразился, ухаживая за вышедшим из заключения сыном.

Платонов изобразил нового героя. Он открыл, что главным героем XX века (и, возможно, последующих) будет масса, что главное в человеке — его духовное и, главное, физическое тяготение к слиянию с другими. Срастание массы, утрата личности, собственно, и есть главный его сюжет.

Он писал о силах, которые движут миром, о главном действующем лице русской истории — толпе — и о законах ее поведения.

Платонов — вообще про то, как все на самом деле устроено, и проза его поэтому жестока, а не сентиментальна.

В 1921 году в Париже Бунин написал короткий рассказ «Косцы». Это рассказ-воспоминание о России. Бунин вспомнил летний вечер, березовую рощу и мужиков-косцов, которые работали и удивительно пели, а писатель слушал и на всю жизнь запомнил это пронзительное ощущение полноты жизни, прелесть жизни...

«Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе, и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств. И еще в том была (уже совсем не признаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только ее душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох березовом лесу».

Г. Мясоедов «Страдная пора»

Таким был русский мир накануне Гражданской войны.

А вот такой Россия стала к концу Гражданской войны:

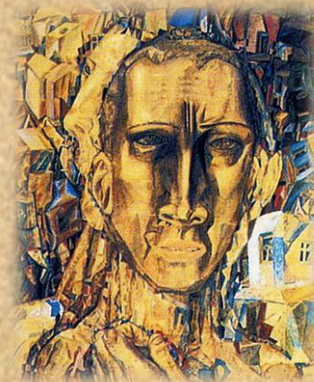
«Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему была безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза».

«Котлован» – это вся правда о коллективизации и раскулачивании.

Платонов пророческим взглядом увидел самое главное и страшное – разрушенное, угасающее русское сознание, мироощущение.

Если родина стала безвестна крестьянину, родившемуся до «великого перелома», что же говорить обо всех нас? Ни у кого из нас нет верного и точного представления о собственной стране, и потому нет у нас общего Отечества, общего единства, которое, несомненно, было, и о котором писал Бунин.

Вот почему единственный настоящий гений русской литературы XX века остается самым непрочитанным. Мы боимся себя, боимся себя понимать, — и хорошо, что ему дали прожить хоть эти пятьдесят мучительных лет.

- С.А. Никольский. *Смерть в большой прозе Андрея Платонова*
- Андрей Платонов. «...я прожил жизнь». Письма (1920 – 1950 гг.)» М. Астрель. 2013.
- Феликс Разумовский. Авторская программа «Кто мы? Кровь на русской равнине», ВГТРК «Культура».
- Алексей Варламов. «Андрей Платонов», М., «Молодая гвардия», 2013.
- Дмитрий Быков. «Андрей Платонов», "Дилетант", №2, февраль 2016 года

